

Самарские древности (забытая рукопись).

А. И. Макаров, историк.

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ) в Санкт-Петербурге хранится лицевой рукописный список «Повести о Варлааме и Иоасафе», созданный в Самаре в 1628–1629 гг. В одном переплете (кодексе) с «Повестью» представлен список «Жития преподобного Нифонта» (епископа г. Констанции Кипрской); отношение списка «Жития» к Самаре документально не установлено. Шифр хранения кодекса — ОЛДП. Q. XVII.

Весьма удивительным кажется тот факт, что список «Повести о Варлааме и Иоасафе», внушительного объема, иллюстрированный превосходными цветными миниатюрами, оцениваемый специалистами-славистами, палеографами, в частности А. А. Туриловым, как наиболее полный и интересный среди древнерусских списков этого произведения, к тому же опубликованный в 1887 г., до сих пор остается неизвестным самарцам. Между тем, учитывая, что в Самаре практически не сохранилось исторических памятников старше XIX в., памятник древнерусской письменности первой половины XVII в., несомненно, представляет

огромный научный интерес. Изучение этого уникального списка, обстоятельств и условий его создания, личностей заказчика, переписчика и иллюстратора может пополнить скудные сведения по истории Самары первых десятилетий ее существования.

Оригинал XVII века.

Копия издания ОЛДП 1887 г.

Сама «Повесть о Варлааме и Иоасафе» является известным агиографическим сочинением, дошедшим в нескольких, различающихся между собой версиях: греческих, арабских, грузинских,— восходящих к VII–VIII вв. Полное название греческого оригинала — «Повесть душеполезная, из восточной Эфиопской страны, называемой Индией, в святой град Иерусалим принесенная Иоанном монахом, мужем честным и добродетельным, из монастыря святого Саввы». Авторство памятника, приписываемое традицией преподобному Иоанну Дамаскину, остается предметом научных дискуссий. Славянский перевод с греческого языка выполнен не ранее середины XI в. Среди достаточно большого числа русских лицевых списков^[1] «Повести...» XVII–XVIII вв., отличающихся

богатством иконографии, выделяется именно самарская рукопись[2]. Она представляет собой распространенный в болгарских и русских списках так называемый болгарский извод (редакцию) текста[3], появившийся на Афоне не позже рубежа XIII–XIV вв.

Преп. Иоанн Дамаскин.

Самарский манускрипт состоит из собственно «Повести», а также из предваряющих ее церковной службы преподобным Варлааму и Иоасафу (память их празднуется 19 ноября по Юлианскому календарю) и предисловия самарского переписчика. Объем рукописи — 538 страниц. Написана она полууставом XVI в.[4] на бумаге в четверть листа (кварта). В тексте угадываются несколько почерков, из чего можно заключить, что над рукописью работал не один переписчик. Иллюстрирована рукопись 225 профессионально выполненными цветными миниатюрами.

Переплетенные в одном кодексе «Повесть о Варлааме и Иоасафе» и «Житие преподобного Нифонта» написаны на различной бумаге и разными почерками. Переплет кодекса представляет собой дощечки, обтянутые кожей с

тиснением, скрепляющиеся двумя металлическими застёжками. По оценке специалистов, переплет выполнен, скорее всего, на рубеже XVIII–XIX вв. в старообрядческой среде. Хотя эти факты не дают никаких оснований для представления о том, что список «Жития преподобного Нифонта» как-то связан с самарским списком «Повести», все-таки близость этих рукописей усматривается в смежной датировке их создания, выявляемой по водяным знакам бумаги, и в сходстве миниатюр («Житие» также богато иллюстрировано).

Житие преп. Нифонта.

Для истории Самары совершенно уникальным является предисловие переписчика «Повести», занимающее 8 страниц. Именно в нем указаны время и место создания списка, а также имена переписчика и иллюстратора. О времени создания списка написано, что это 7137 г. от сотворения мира. В пересчете на эру от Рождества Христова с учетом того, что в XVII в. отсчет года на Руси начинался 1 сентября, получаем временной промежуток создания списка с сентября 1628 г. по сентябрь 1629 г. Большой объем рукописи позволяет предположить, что писалась она не менее года, так что дата ее заказа может быть еще более ранней. О месте создания рукописи в предисловии сказано: *«Написах же сию святую книгу... в богоспасаемем граде Самаре»*. И об авторах: переписал книгу *«многогрешный священоерей Афонасий»*, а *«знаменовал»*, то есть иллюстрировал ее, *«многогрешный раб [Божий] Петр»*.

Предисловие самарского переписчика.

На первой чистой странице кодекса имеется надпись, сделанная в XIX в., не ранее 1833 г. (в конце надписи имеется ссылка на книгу В. Н. Берха, вышедшую в 1833 г.— об этом ниже). Начало этой надписи представляет собой нечто вроде описи всего кодекса и своеобразного его авантитюла (в приводящемся здесь тексте орфография и пунктуация подлинника сохранены): «Служба и житие Варлаама и Иоасафа царевича индийских. 32 тетради. Житие Нифонта. 21 тетрадь. Ресунков 396[5]стисана в городе Самаре в 1629 году священо иереем Афанасием и знаменована Петром (л. 17)[6]».

На историю происхождения и дальнейшее существование самарской рукописи проливают свет пометы, сделанные на нижних полях нескольких первых страниц, занимаемых текстом церковной службы преподобным Варлааму и Иоасафу. Пометы по сравнению с самим текстом позднейшие. На каждой странице представлено по одному слову: «Бояр», «Михайла», «Михайловича», «Да Петра», «Михайловича», «Салтыковых». Ключом к пониманию этих помет

служит продолжение надписи XIX в. на первой странице кодекса: *«Книга принадлежала Боярам Михайле и Петру Михайловичам Салтыковым»*.

Сделав поколенную родословную роспись известного на Руси рода Салтыковых, ведущего свое происхождение от предка, жившего в XIV в., обнаруживаем, что на XVII в. приходится время жизни Михаила Михайловича и его сына Петра Михайловича Салтыковых. По всей видимости, именно их имена значатся на пометах самарской рукописи. Подтверждающим этот вывод и одновременно самым интересным в этой части исследования является тот факт, что братом Михаила Михайловича был Борис Михайлович Салтыков, служивший воеводой в Самаре как раз в то время, когда там создавался список «Повести о Варлааме и Иоасафе».

Братья Салтыковы являлись весьма заметными фигурами русской истории первой половины XVII в. Борис Михайлович (вероятно, 1580-е гг. — 26.07.1646) был старшим братом Михаила Михайловича (вероятно, 1580-е гг. — 3.10.1671). И по линии их матери, Екатерины Андреевны Салтыковой, урожденной Михалковой (в монашеском постриге Евникии) (сер. XVI в. — возможно, после 1630), и по линии отца, Михаила Михайловича Салтыкова (ок. 1560 — 1608), братья состояли в родстве с матерью первого царя из династии Романовых Михаила Федоровича (царствовал в 1613–1645 гг.) Ксенией Ивановной, урожденной Шестовой (в монашеском постриге Марфой; после воцарения сына ее обычно именовали великой старицей инокиней Марфой Ивановной) (сер. XVI в. — 26.01.1631). Екатерина Андреевна приходилась Ксении Ивановне троюродной сестрой. Таким образом, Борис Михайлович и Михаил Михайлович (младший) по линии матери были троюродными племянниками Ксении Ивановне и четвероюродными братьями царю Михаилу Федоровичу; по линии отца родство было более отдаленным[7].

Царь и великий князь Михаил Федорович.

«Царский титулярник» 1672 г. РГАДА.

Родственные отношения с царствовавшей фамилией обусловили большое влияние братьев Салтыковых при дворе царя Михаила Федоровича в первые годы его правления. Уже в дни воцарения Михаила Федоровича, весной 1613 г., Салтыковы получили важные государственные должности: Борис Михайлович

стал главой Приказа Большого дворца[8], т. е. главой дворцового ведомства — дворецким, а Михаил Михайлович — кравчим[9] — служителем при царском столе во время трапезы. 10 декабря 1613 г. Борис Михайлович получил чин боярина[10] — высший чин из 8 государственных чиновных степеней того времени. При царе Михаиле Федоровиче бояр числом было всего до 28 человек[11].

Приближенное положение братьев Салтыковых ко двору предопределило событие, имевшее в последующем значение для истории Самары: в 1616 г. Салтыковы оклеветали перед царем выбранную и нареченную его первую невесту Марию Ивановну Хлопову (представили ее больной), в результате чего она была выслана в Тобольск, а царский брак расстроился. Известно, что женильбе Михаила Федоровича на Хлоповой противилась поддерживавшая Салтыковых мать царя великая старица Марфа Ивановна.

Близость Б. М. Салтыкова к царю подчеркивают также два события, датирующиеся 1618/19 годом. Первое событие — посылка государем Б. М. Салтыкова в числе ближних бояр «справиться о здоровье» царского отца, митрополита Филарета, будущего Московского патриарха, находившегося тогда в польском плену[12] (последствие Смуты на Руси). Второе событие — поступление на имя Б. М. Салтыкова челобитной от монаха Арсения Глухого. Последний, являясь справщиком богослужебных книг московского Печатного двора, в 1618 г. был обвинен в ереси и отправлен в заточение, откуда и написал челобитную с просьбой о помиловании[13]. Обращение к Б. М. Салтыкову книжного справщика не было случайным. Дело в том, что книгопечатным делом на Руси до середины XVII в. ведали патриарший двор и Приказ Большого дворца, а Борис Михайлович как раз занимал должность главы этого Приказа. Возможно, обращение к Б. М. Салтыкову книжного справщика говорит не только о властных полномочиях Бориса Михайловича, но и о том, что он был человеком образованным и книжным.

Известно, что Филарет, возведенный на патриарший престол вскоре после возвращения в Москву в 1619 г., деятельно включился в управление как церковными, так и государственными делами и фактически стал соправителем сына. Патриарх удалил от царя влиятельных бояр; подверглись опале и Салтыковы, их влияние резко упало.

После обнаружения осенью 1623 г. возведенной на царскую невесту Марию Хлопову клеветы — преступления, за которое виновные могли поплатиться жизнью, — царским указом от 24 октября того же года братья Салтыковы были всего лишь сосланы «по деревням с приставами», а их поместья и вотчины отобраны в казну[14].

Не чем иным, как продолжением ссылки, явилось для братьев назначение их в апреле 1626 г. воеводами в поволжские крепости: Михаила Михайловича — в Чебоксары, Бориса Михайловича — в Самару[15], где он сменил на воеводстве князя И. А. Дашкова[16]. О воеводстве М. М. Салтыкова в Чебоксарах как продолжении опалы прямо говорит позднейший царский указ, которым эта опала с него снималась: за то, что прогневал царя, «сослан ты был в Чебоксар»[17]. Но и для Б. М. Салтыкова, бывшего ближнего царского боярина, назначение воеводой в Самару, захолустную крепость на восточных окраинах государства, явно было ссылкой. Известно, что «самарские воеводы XVII в., в соответствии с положением Самары среди современных ей русских городов, занимали очень скромное место по иерархической лестнице Московского государства»[18]. Оба брата были разжалованы: Борис Михайлович не имел права именоваться боярином, Михаил Михайлович — окольниковым[19] (значился в этом чине с 1623 г.[20]). Оба они в этот период фигурировали в невысоком чине дворян московских[21].

О самарской деятельности Бориса Михайловича сведений практически никаких нет. Разве что известно, что он обратил внимание на привезенного в Самару в начале 1630-х гг. молодого татарского пленника Атманая, сына убитого яицкими казаками Едиманского мурзы Уруса, и велел отпустить его. (Впоследствии, после перехода на службу к русскому царю и крещения, Атманай

стал родоначальником дворянского рода Кейкуатовых[22].) Согласно Боярским книгам, «денежный оклад» Бориса Михайловича в Самаре в 1628/29 г.— как раз во время создания самарской рукописи — был равным 400 рублям[23].

Братья Салтыковы значились воеводами в тех же крепостях вплоть до 1633 г.[24]. Только в начале 1634 г. они появляются в Москве. Явно, что возвратиться в столицу Салтыковы смогли лишь после кончины патриарха Филарета, последовавшей 1 октября 1633 г. Так, царский указ о прощении М. М. Салтыкова, повелении ему вернуться из Чебоксар в Москву и «быти в окольных по прежнему» датирован 4 октября 1633 г.[25]. И уже 6 февраля 1634 г. оба Салтыкова присутствовали в Кремле на обеде в честь поставления нового патриарха Иоасафа I[26].

Таким образом, самарским воеводой Борис Михайлович Салтыков пробыл с апреля 1626 и, вероятно, по конец 1633 г.— семь с половиной лет, при том, что «продолжительность службы воеводою в одном городе, как правило, считалась в два года»[27]. (В Самаре воеводы менялись самое большее через три года; так, например, в 1614 г. всего по несколько месяцев воеводами были князь Д. П. Лопата-Пожарский и стольник князь В. И. Туренин, в 1614–1615 гг. воеводой был князь М. В. Белосельский, в 1615–1618 гг.— Ф. Тулупов-Вельяминов, в 1619–1620 гг.— Ф. В. Волынский, в 1623–1624 гг.— Д. Погожев, в 1624 г.— Б. Давыдов, в 1625–1626 гг.— князь И. А. Дашков, в 1636–1637 гг.— С. И. Воейков, в 1640–1642 гг.— Ф. Племянников и П. Загряжский, в 1644–1645, 1646–1647 гг.— князь В. Д. Горчаков, в 1649 г.— И. Ф. Головачев, в 1651 г.— С. Т. Овцын[28] и т. д.) Необычно длительный срок воеводства Б. М. Салтыкова является дополнительным аргументом в пользу свидетельства его опального положения в период пребывания в Самаре.

Известно, что в последующие, после снятия опалы, годы Борис Михайлович служил в Челобитном и Казачьем приказах, воеводой в Туле; Михаил Михайлович — в Разбойном и московском Судном приказах, а также воеводой в малороссийском городке Кропивна, Тверским наместником и воеводой в

Казани[29], в 1641 г. стал боярином[30] (последнее боярское назначение при царе Михаиле Федоровиче).

Борис Михайлович Салтыков скончался 26 июля 1646 г.[31] бездетным. Михаил Михайлович намного пережил брата, он умер 3 октября 1671 г. Его сын Петр Михайлович (нач. XVII в. — 5.07.1690) был человеком весьма близким к царям Алексею Михайловичу (правил в 1645–1676 гг.) и Федору Алексеевичу (правил в 1676–1682 гг.); при Алексее Михайловиче сначала исполнял должность кравчего[32], в конце 1658 г. стал боярином[33].

Краткие сведения о владельцах самарской рукописи — Михаиле Михайловиче и Петре Михайловиче Салтыковых — приводятся в продолжении упоминавшейся надписи на первой странице кодекса (орфография и пунктуация подлинной надписи сохранены): *«М. М. Салтыков Боярин с 1641 г. † 1672. П. М. показан при Царе Феодоре Алексеевиче. Боярин с 1659. был воеводой в Тобольске в 1673 году»*. (Здесь год смерти М. М. Салтыкова — 1672 — несколько разнится с данными других источников, указывающих 1671 г.) Далее эти сведения о Салтыковых подкрепляются некоей ссылкой: *«(Берх...) список Боярам сп(?)рбр(?) (слово трудно прочитывается) 1833.—»*. Понять эту фразу и одновременно определить время создания надписи удалось с помощью «Описания рукописей императорского Общества любителей древней письменности» Х. М. Лопарева, где эта фраза передана так: «Берх: Стат. списки боярам. СПб., 1833»[34]. Речь идет о ссылке на книгу русского военного историка В. Н. Берха «Систематические списки боярам, окольных и думным дворянам» (у Лопарева в сокращенном названии книги, в первом слове «Стат.», очевидно, допущена ошибка), изданную в Санкт-Петербурге в 1833 г. Следовательно, надпись на первой странице кодекса сделана не ранее 1833 г.

В предисловии самарской рукописи ее создатель священник Афанасий несколько раз говорит о некоем «благонароचितом» (то есть особо значительном, особо знаменитом) муже, который подвигнул его на этот труд. Называя этого мужа благочестивым человеком, более всего старающимся утвердить «в буре

мирского пристрастия прилежание к душекормной (питающей душу, духовной.— *Автор*) пище», ожидающим восприятия даров в Царствии Небесном, «украшающим не внешнее, но внутреннее», и прося читателей поминать этого мужа в своих молитвах, священник Афанасий ни разу при этом не называет его по имени, что выглядит достаточно странным: как будто переписчик, восхваляющий заказчика рукописи, намеренно не хочет (или не может) афишировать его имя. Явно, что выражение «благодарочитый муж» могло относиться только к светскому лицу, лицо духовного звания переписчик так не назвал бы. Полагаем, что речь может идти о самарском воеводе Борисе Михайловиче Салтыкове, находившемся в Самаре в официальной опале, но для переписчика являвшемся фигурой значительной, возможно, благодетелем. Искушенный в придворных делах, наверняка знавший цену хорошо исполненным рукописным книгам (хотя в то время и печатные книги еще были едва ли не дороже рукописных) Б. М. Салтыков вполне мог быть заказчиком этого списка.

В одном месте предисловия о загадочном «благодарочитом муже» сказано как о «прилежащем и назидаемом добре степенем церковным». Это можно было бы истолковать в том смысле, что заказчик рукописи имел некое отношение к церковным чинам и хорошо наставлял их (управлял ими). Вряд ли такая характеристика могла относиться к воеводе. Речь могла бы идти о каком-нибудь церковном чиновнике. Известно, что в то время Самара входила в состав Казанской епархии (Казанской и Свияжской). У епархиальных архиереев (владык) был свой штат служилых людей, не обличенных духовным саном: владычные дьяки, управлявшие епархиальными Казенным и Судным приказами, и даже владычные бояре. Заказчик рукописи мог быть одним из таких светских чиновников, состоявших на службе у Казанского митрополита. Однако, глагол «прилежати» среди других значений имел значение «заботиться»^[35]. Поэтому характеристику, данную переписчиком заказчику рукописи, можно понять не в том смысле, что заказчик принадлежал к церковному управлению, а в том, что он имел попечение о Церкви, снабжал всяким довольствием церковные причты. Известно, что причты в крепостях, подобных Самаре того времени, получали ругу

(содержание) от воевод. Такое понимание разбираемой фразы оправдано также последующими словами, относящимися к характеристике заказчика: «и Божие Богу подающий»; то есть «благодарочитый муж» материально окормлял церковные причты (заботился о земном устройении Церкви), а Божие отдавал Богу (вел жизнь духовную)[36]. Склоняясь именно к такому истолкованию фразы, мы тем самым укрепляем версию о Б. М. Салтыкове как заказчике рукописи.

Но даже если Б. М. Салтыков не был заказчиком самарской рукописи, и мы не знаем, о каком «муже» говорит переписчик, то все-таки Борис Михайлович, по всей видимости, рукопись приобрел и увез с собой в Москву. Вначале рукопись могла храниться у него, а уже после его смерти (1646 г.) за отсутствием прямых потомков — перейти по наследству брату Михаилу Михайловичу и его сыну Петру Михайловичу. Известным примером перехода по наследству имущества Бориса Михайловича его племяннику является наследование Петром Михайловичем после смерти дяди села Козино под Звенигородом, которым (селом) Борис Михайлович владел с 1642 г.

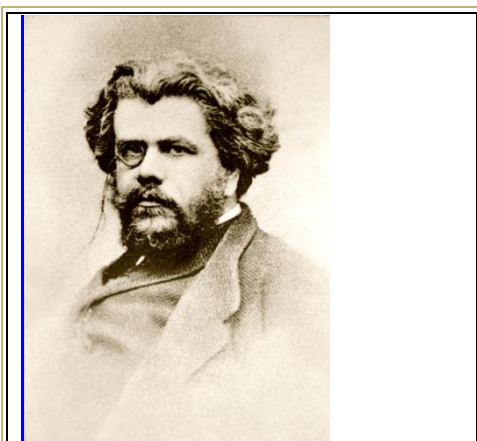
Таким образом, пометы на нижних полях нескольких первых страниц самарской рукописи: «Бояр», «Михайла», «Михайловича», «Да Петра», «Михайловича», «Салтыковых», — должны были быть сделаны во второй половине XVII в. Поскольку оба Салтыкова названы здесь боярами, пометы, надо полагать, были сделаны между 1658 г., годом получения боярства Петром Михайловичем, и 1671 г., годом смерти Михаила Михайловича, т. е. приблизительно в 1660-е годы, через 40 лет после создания самой рукописи.

В последующем самарская рукопись могла передаваться по линии наследников Петра Михайловича Салтыкова: у него после гибели во время стрелецкого бунта в 1682 г. сына Федора оставалось, по крайней мере, еще два сына — Алексей и Петр — и внуки от каждого из трех сыновей. Наследование рукописи среди близких потомков Петра Михайловича Салтыкова может предполагаться по аналогии с наследованием села Козино: после смерти Петра Михайловича (1690 г.) Козино досталось его сыновьям Алексею и Петру с их

племянниками, в 1705 г. село значилось во владении старшего сына Петра Михайловича — Алексея Петровича Салтыкова. Никаких прямых сведений о бытовании самарской рукописи в XVIII – первой половине XIX вв. не найдено. Однако, переплет кодекса, который, как уже отмечалось, был выполнен на рубеже XVIII–XIX вв. в старообрядческой среде, может указывать на нахождение в это время самарской рукописи у старообрядцев.

О дальнейшей судьбе рукописи извещает концовка надписи на первой странице кодекса: *«Продана за двести рублей П. П. Вяземскому деньги получены сполна Сп(?)л(?)ош(?)кин»* Последнее слово трудно прочитывается; конъектура Лопарева — «Сироткин»[\[37\]](#). Очевидно, концовка надписи представляет собой расписку в получении денег (сумма, данная за рукопись, значительна) и несет в себе информацию о том, что известный собиратель древностей князь Павел Петрович Вяземский (1820–1888) (сын знаменитого Петра Андреевича Вяземского, друга А. С. Пушкина) купил самарскую рукопись в середине XIX в. скорее всего в Петербурге у некоего букиниста или антиквара Сироткина(?). П. П. Вяземский был страстным коллекционером, по воспоминаниям мужа его дочери графа Сергея Дмитриевича Шереметева (1844–1918), в Петербурге «князь частенько посещал толкучку, где все его знали»[\[38\]](#). В кабинете князя часто бывали «разные торговцы древностями, большею частью старообрядцы; из черных платочков, завязанных узелками, появлялись лицевые рукописи, которые особенно ценились князем (подчеркивание наше.— *Автор*), и начиналась торговля... Дело обыкновенно кончалось тем, что рукопись приобреталась...»[\[39\]](#) Коллекция П. П. Вяземского размещалась как в Петербурге, так и в его подмосковной усадьбе Остафьево (остафьевская коллекция со временем составила своеобразный музей). В 1877 г. П. П. Вяземский основал Общество любителей древней письменности (ОЛДП), получившее впоследствии название императорского, в задачу которого входила публикация памятников древнерусской литературы, их изучение и популяризация.

В 1887 г. самарская рукопись была опубликована в 88-м томе собрания ОЛДП. Это издание автографическое; только 10 миниатюр в нем раскрашены, как сказано в предисловии к изданию, «ручной работой мстерскими иконописцами», остальные изображения представляют собой черно-белые прориси. После смерти П. П. Вяземского его рукописная библиотека была приобретена С. Д.

Князь П.П. Вяземский.

Граф С.Д. Шереметев.

Шереметевым, сменившим тестя на посту председателя ОЛДП, и затем принесена в дар ОЛДП. С 1930-х гг. рукописное собрание ОЛДП хранится в Ленинграде—Петербурге, в бывшей Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, нынешней Российской национальной библиотеке.

Для исследования того, где конкретно и при каких обстоятельствах в Самаре была создана рукопись, нужно представлять, какой была Самара в конце 20-х гг. XVII в.

Основанная в 1586 г. как форпост для защиты юго-восточных рубежей Российского государства Самара ко времени создания рукописи — 1628–1629 гг.— представляла собой небольшую деревянную крепость, жителями которой были находившиеся на государственной службе стрельцы с семьями, посадские люди, а также немногочисленные дети боярские и дворяне. На 1629/30 г. численность служилых людей в Самаре была такова: «...воевода Борис Салтыков, голова у стрельцов Петр Перфирьев, городской прикащик 1 ч[еловек], детей боярских^[40] 20 ч., сотников стрелецких 3 ч., 100 ч. стрельцов конных, да 250 ч.

пеших, переводчик 1 ч., толмачей[41] 2 ч., часовник[42] 1 ч., пуш[к]арей 8 ч., воротников[43] 3 ч., кузнец 1 ч.»[44], итого с воеводой 392 человека. Из этого можно сделать вывод, что все население Самары во время создания здесь рукописи было порядка 1000 человек. Ни к каким исторически значимым событиям за эти первые 40 лет своего существования Самара не была причастна, за исключением, может быть, того, что в 1610 г. она значилась в списке городов Московского царства, составленном для приглашавшегося на русский престол польского королевича Владислава[45], да в 1613 г. самарцы упоминались в числе участников осады Смоленска для освобождения города от поляков[46]. Сведений по общественно-политической, не говоря уже о культурной и духовной, истории Самары первой половины XVII в. вообще крайне мало. Тем значимее становится выявленный факт создания здесь большого, интереснейшего в своем роде лицевого списка «Повести о Варлааме и Иоасафе», который свидетельствует об определенном уровне культуры Самары того времени.

На сегодняшний день невозможно однозначно утверждать, где в Самаре была создана эта рукопись. Предположение о монастыре как месте ее создания кажется вполне обоснованным (рукопись написана священником, хорошим полууставным письмом, имеет внушительный объем, иллюстрирована многочисленными профессионально исполненными миниатюрами). Однако, сотрудником Отдела рукописей РНБ М. А. Шибяевым на основе упоминания автором предисловия о том, что книга написана «в славу Святой и Живоначальной Троицы», было высказано мнение, что создание книги могло быть связано не с монастырем, а с храмом, имевшем посвящение Святой Троице, то есть переписчик, священник Афанасий, мог быть клириком такого храма.

В защиту версии о создании рукописи при приходском храме выступает то, что переписчик называет себя «священно ереем», то есть священноиереем. Согласно «Словарю русского языка XI–XVII вв.», в литературе существовали как термин «священноиерей», так и термины «священноинок», «священномонах». Термин «священноиерей» применялся по отношению к священнику[47], представителю приходского, так называемого белого, духовенства, термины

«священноинок», «священномонах» применялись по отношению к монашествующему священнику, иеромонаху[48], члену монастырской братии. Кроме того, в литературе соответствующего периода встречается словосочетание «священноиерей инок имярек»[49]. Таким образом, понятия «священноиерей» и «монах», «иеромонах» различались. Отсюда можно заключить, что самарский переписчик был представителем белого духовенства и, соответственно, не принадлежал к монастырской братии, а был священником одного из самарских храмов, например, храма во имя Святой Троицы.

Троицкий храм в Самаре действительно существовал, причем это был первый приходской храм Самары, построенный вместе с крепостью. На протяжении почти двух первых столетий бытования города он считался главным, соборным. Храм все время своего существования был деревянным, до 1780 г. за ветхостью был перенесен и поставлен при кладбище[50], позднее разобран. В начале XVII в. в нем был придел во имя святителя Николая Чудотворца, выделившийся в самостоятельную приходскую церковь в первой половине 1630-х гг.[51] Таким образом, во время создания рукописи в Самаре существовал единственный приходской храм — Троицкий. Известны имена некоторых самарских священников, правда, более позднего времени: Троицкого храма — Михаил Степанов, Владимир Иванов (оба в 1646 г.), Яков Минин (1659 г.), протопоп Григорий (1663 г.), протопоп Никита (1666 г.), протопоп Григорий Никитин (1673 г.); Никольской церкви — Ерофей Федоров (1646 г.), Дмитрий Кузьмин (1659 г.), Матвей Яковлев (1675 г.), а также без указания прихода, но, скорее всего, относившийся к причту Никольской церкви — Никифор Васильев (1646 г.)[52]. Как видно, священника Афанасия среди этих имен нет.

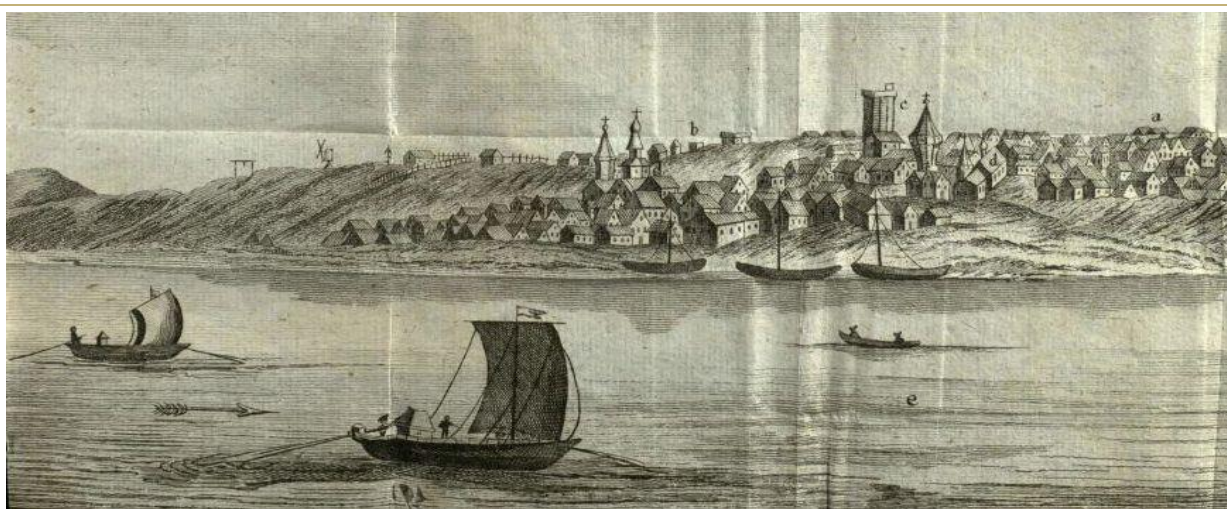
Существовали в Самаре и монастыри. Первое документальное упоминание о самарском Спасо-Преображенском мужском монастыре относится к июню 1631 г.[53], то есть фактически ко времени создания рукописи. Хозяйственно-экономический характер этой первой записи о монастыре (о владении им крепостными крестьянами) свидетельствует о налаженной хозяйственной деятельности обители и, следовательно, о том, что монастырь появился до 1631

г.[54] (предполагается, что он существовал уже в конце 1620-х гг.[55]). О существовании тогда в самарской округе какого-либо другого мужского монастыря неизвестно. В то время в Самаре был, видимо, уже и женский монастырь, тоже Спасо-Преображенский, однако, в предположении о месте создания рукописи предпочтение, вероятно, следует отдать мужской обители. Сведений о мужском Спасо-Преображенском монастыре сохранилось очень немного. Согласно исследователю середины XIX в. К. И. Невоструеву, время основания монастыря неизвестно; расположен он был (в соответствии с городской топографией XIX в.) «между Успенской и Преображенской церквями... близ дома купца М. Лаптева»[56], точнее — на Преображенской улице близ мельницы Башкирова[57]. То есть обитель была расположена в районе современной улицы Водников между ее пересечениями с улицами Крупской и Комсомольской. В первом упоминании о монастыре 1631 г. указывается имя его настоятеля — Феодорита[58], который, конечно же, знал тогдашнего самарского воеводу Б. М. Салтыкова. В последующем о монастыре известно, что он имел во владении много рыбных ловель, сел и угодий, до 1670 г. был приписан к Патриаршему дому. Историк А. А. Гераклитов отмечал «факт необычайно быстрого роста самарского монастыря» по сравнению с современными ему саратовским и царицынским монастырями, которые «в течение всего XVII в. жили казенным денежным и хлебным жалованьем»; «о причинах такого быстрого обогащения... документы молчат; одно можно сказать с уверенностью, что все эти богатства не результат усердия жителей бедной и малонаселенной Самары. При таких обстоятельствах еще менее ясна причина приписки монастыря к патриаршей кафедре»[59]. В 1640 г. настоятелем Спасо-Преображенского монастыря значился «старец Моисей», в 1682 г. также указан «старец Моисей», в 1684 г.— игумен Иоасаф, в 1718 г.— игумен Парфений, в 1734 г.— иеромонах Даниил, в 1738 г.— игумен Варлаам[60]. В 1738 г. монастырь был упразднен, монастырская деревянная Спасо-Преображенская церковь с приделом во имя святителя Алексия, митрополита Московского, обращена в приходскую, при пожаре 1765 г. эта церковь сгорела[61].

Таким образом, к настоящему времени ни от Троицкого храма, ни от Спасо-Преображенского монастыря (так же как и от женского Спасо-Преображенского монастыря) ничего не осталось. Очертания Троицкого храма и Спасо-Преображенского мужского монастыря могут присутствовать на известном рисунке Самары, сделанном проплывавшим по Волге мимо города 28 августа 1636 г. (то есть менее чем через три года после отъезда из Самары Б. М. Салтыкова) голштинским путешественником Адамом Олеарием. По мнению специалистов, две деревянные церкви монастыря изображены в центральной части гравюры, выполненной по рисунку художника Джона Кэстля, проведенного в Самаре несколько лет в конце 30-х гг. XVIII в. По этой гравюре воссоздается облик монастырских построек[62].

Гравюра из книги А. Олеария "Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно".

Гравюра Джона Кэстля. 1730-е годы.

Итак, рукопись могла быть выполнена при самарском Троицком храме. Если же монастырь располагал более совершенными средствами для кропотливой рукописной работы, нежели единственная в то время городская церковь, то можно предположить, что священник Троицкой церкви Афанасий и художник Петр трудились в стенах самарского Спасо-Преображенского монастыря. Афанасий мог быть вдовым священником и жить (служить) в монастыре, не входя в число братии. Очевидно, нельзя также полностью исключить версию, что он мог быть приходским служащим священником в женском Спасо-Преображенском монастыре и там создавать рукопись. Мог он работать и непосредственно на воеводском дворе, если заказчиком манускрипта был воевода Салтыков.

Профессионализм исполнения рукописи, особенно миниатюр, позволяет выдвинуть предположение о не самарском происхождении ее авторов. Переписчик или, по крайней мере, иллюстратор могли быть специально приглашенными (тем же воеводой Б. М. Салтыковым) для этой работы в Самару лицами. Другое предположение: авторы списка могли выучиться своему ремеслу где-то в центральных районах России и оказаться в Поволжье в Смутное время, когда миграционные процессы были весьма активны.

Особый вопрос заключается в том, какая рукопись являлась протографом для самарской рукописи? Как этот протограф оказался в Самаре?

Таким образом, вопросов пока больше, чем ответов. Возможно, новую информацию даст специальное изучение миниатюр самарской рукописи. Пока же интересные находки сделаны при исследовании текста предисловия.

Предисловие построено автором, священником Афанасием, по классической схеме русских средневековых книжных предисловий и послесловий: в начале испрашивается Божие благословение на труд, затем следует вступление, рассказывающее об основных событиях Священной истории, затем — прославление монарха, изложение обстоятельств создания книги и панегирик ее заказчику, в конце — смиренное извинение переписчика перед читателями за возможные допущенные ошибки.

В ходе исследования текста предисловия выявлено, что его автор помимо включения общеизвестных новозаветных цитат и литургических молитв, активно заимствовал фразы и целые смысловые блоки из нескольких (3–4) текстов. Известно, что для того времени подобное заимствование не считалось зазорным, скорее напротив: умелое включение в собственный текст авторитетных источников увеличивало его достоинство.

Начало текста предисловия, передающее основные события Священной истории, представляет собой начало жития преподобного Михаила Клопского в третьей редакции. Эта редакция была выполнена в 1537 г. В. М. Тучковым для составлявшихся под руководством Московского митрополита Макария Великих Минеи Четиих.

Идущие далее в самарском предисловии титулования царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета, одновременно представляющие собой похвалу им, почти дословно совпадают с титулованиями царя Бориса Годунова и патриарха Иова в послесловии к первой русской печатной общей Минеи, изданной в Москве в 1600 г. Очевидно, существовали официальные формулы титулований царей и патриархов, которые, нужно думать, не сильно изменились со времени Бориса Годунова до времени Михаила Федоровича и были известны самарскому переписчику. Однако, поскольку Минея является богослужебной

книгой, можно предположить, что московская Минея была в обиходе священника Афанасия, и часть своего текста, о которой идет речь, он конструировал, используя именно минейное послесловие, держа, так сказать, эту книгу перед глазами. При сопоставлении текстов видно, что падежные управления слов более естественны в минейном послесловии; самарский текст выглядит более громоздким и искусственным.

В повествовании о самой работе по переписке «Повести о Варлааме и Иоасафе» автор предисловия активно использует два текста — достаточно известные печатные послесловия: одно — к «Апостолу», изданному в 1574 г. во Львове русским первопечатником Иваном Федоровым, другое — к «Четвероевангелию», изданному в 1575 г. в Вильне в типографии Мамоничей соратником Ивана Федорова Петром Тимофеевым Мстиславцем. Самарский автор создает свой текст сложным комбинированием предложений, заимствованных из этих двух послесловий. Даже для описания заказа ему списка «Повести» и своего недостойнства исполнить этот труд он прибегает к активному текстовому заимствованию, делая это часто механически, что вызывает грамматические ошибки. К сожалению, об обстоятельствах заказа рукописи, которые были бы особенно интересны для самарских историков, священник Афанасий повествует чужими словами.

Однако в самарском тексте есть и любопытные детали, и большого художественного достоинства пассажи. Так, говоря о своих человеческих недостойнствах, не позволяющих приступить к переписыванию «святой книги», священник Афанасий называет себя малодушным, сообщает, что его смущает совесть и «страстное волнение мира». Последние слова, возможно, следует понимать не только в нравственно-аскетическом плане, но и в смысле недавних сильных политических потрясений в России или опасной обстановки вокруг Самары как пограничной крепости. Фраза: «А сия книга святая которой церкви или которой чреде поручена будет, то...», — отражает, как кажется, непосредственно самарскую ситуацию того времени относительно книг. Явно, что в Самарской крепости книг было немного, и созданная переписчиком новая книга

могла передаваться по самарским церквям (монастырям) или отдельным людям по очереди («череде»). В конце текста, испрашивая молитв о заказчике рукописи и трудившихся над ней, самарский переписчик обращается к читателям, в том числе и будущим, то есть к нам. Эти слова создают удивительное ощущение живой связи времен.

По выявленным источникам предисловия самарской рукописи, очевидно, можно судить о книгах, имевшихся в Самаре (в самарских храмах) в 20-х гг. XVII в. Вероятно, самарские священники в богослужебной практике пользовались печатными книгами: московской общей Минеей, львовским «Апостолом» и виленским «Четвероевангелием». Предполагать, что в Самаре был список Великих Миней Четиих, в которые входило житие преподобного Михаила Клопского в редакции Тучкова, значит допускать наличие в захудалой крепости непозволительной роскоши,— вряд ли это было возможно. Что касается западнорусских изданий — «Апостола» и «Четвероевангелия», то их присутствие в Самаре не должно казаться странным, так как известно, что эти издания выходили весьма большими тиражами и широко были представлены в Московской Руси, официально поставлялись в епархии Московского Патриархата. Однако, пикантность ситуации с цитированием самарским переписчиком этих изданий состоит в том, что как раз в 1627–1628 гг. царем Михаилом Федоровичем и патриархом Филаретом была предпринята достаточно мощная кампания по запрещению и изъятию в России западнорусских изданий как политическое давление против попытки объединения в западнорусских землях православных и униатов. Эти мероприятия русского правительства проходили в несколько этапов и затрагивали в основном приграничные с Речью Посполитой территории^[63], по крайней мере, ко времени написания самарского предисловия волна изъятий западнорусских изданий до Самары, надо понимать, не докатилась.

Таким образом, самарский список «Повести о Варлааме и Иоасафе» помимо его значения как памятника церковной литературы является уникальным материальным свидетельством жизни самарского общества начала XVII в.

[1] Все славянские лицевые списки «Повести» являются русскими, поэтому в данном случае можно говорить о русских списках.

[2] Муравьев А. В., Турилов А. А., Квливидзе Н. В. Варлаам и Иоасаф // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 619–625.

[3] Лебедева И. Н. Повесть о Варлааме и Иоасафе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987. С. 351.

[4] Лопарев Х. Описание рукописей императорского Общества любителей древней письменности. СПб., 1893. Ч. 2. С. 27.

[5] Общее количество иллюстраций обоих памятников.

[6] Ссылка на лист рукописи.

[7] См.: Щербачев. О. В. О родстве Салтыковых с Михаилом Федоровичем Романовым // Летопись историко-родословного общества в Москве. М., 1995. Вып. 3 (47).

[8] Приходо-расходные книги казенного приказа // Русская историческая библиотека. СПб., 1884. Т. 9. С. 7.

[9] Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Кол. 136, 176, 221, 282, 284, 357, 407 и др.

[10] Там же. Кол. 120.

[11] Известие о дворянх российских. СПб., 1790. С. 92.

[12] Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Кол. 393; Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Вып. 2. С. 321.

[13] Б. Н. М. Арсений Глухой // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 427–428.

[14] Собрание государственных грамот и договоров. М., 1822. Т. 3. С. 257–267.

[15] Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Вып. 2. С. 339–340; Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Кол. 740–741, 845–846; Временник императорского московского Общества истории и древностей российских. М., 1849. Кн. 4. Ч. 3. С. 36.

[16] Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Кол. 740–741, 845–846.

[17] Собрание государственных грамот и договоров. М., 1822. Т. 3. С. 341.

[18] Гераклитов А. А. Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного приказа) // Классика самарского краеведения. Самара, 2006. Вып. 2. С. 196.

[19] Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Кол. 845–846.

[20] Там же. Кол. 533; Берх В. Н. Систематические списки боярам, окольничим и думным дворянам. СПб., 1833. С. 57.

[21] Poe M. T. The Russian elite in the seventeenth century. Vol. 1. P. 443, 444.

[22] Акиншин А. Литвинова Т. Татарские князья Кейкуатовы в Воронеже // Генеалогический вестник. СПб., 2001. № 4. С. 49.

- [23] [Боярская книга 1639 г. М., 1999. С. 20.](#)
- [24] [Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Кол. 937; Временник императорского московского Общества истории и древностей российских. М., 1849. Кн. 4. Ч. 3. С. 45; Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Вып. 2. С. 364, 371, 375.](#)
- [25] [Собрание государственных грамот и договоров. М., 1822. Т. 3. С. 341.](#)
- [26] [Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Вып. 2. С. 389–390; Записные книги Московского стола // Русская историческая библиотека. СПб., 1884. Т. 9. С. 551.](#)
- [27] [Герасимов А. А. Самара и Самарский уезд XVII в. \(по записным книгам Печатного приказа\) // Классика самарского краеведения. Самара, 2006. Вып. 2. С. 196.](#)
- [28] [Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 198–199.](#)
- [29] [Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Кол. 394, 480, 511, 550, 571, 595, 604, 642, 666, 740, 752; То же. СПб., 1852. Т. 3. Кол. 12, 21, 72, 95, 339, 363, 446, 490; Разрядная книга 1637–1638 гг. М., 1983. С. 129; Записные книги Московского стола // Русская историческая библиотека. СПб., 1886. Т. 10. С. 191, 202, 302.](#)
- [30] [Боярская книга 1639 г. М., 1999. С. 22; Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Кол. 650; Записные книги Московского стола // Русская историческая библиотека. СПб., 1886. Т. 10. С. 259.](#)
- [31] [Боярская книга 1639 г. М., 1999. С. 20.](#)
- [32] [Там же. С. 26; Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Кол. 64, 66, 72, 76, 78, 86, 93 и др.](#)
- [33] [Боярская книга 1658 г. М., 2004. С. 15; Пое М. Т. The Russian elite in the seventeenth century. Vol. 1. P. 182.](#)
- [34] [Лопарев Х. Описание рукописей императорского Общества любителей древней письменности. СПб., 1893. Ч. 2. С. 28.](#)
- [35] [Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 2. Ч. 2. Кол. 1421.](#)
- [36] [Аллюзия на евангельскую притчу: «...отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» \(Мф 22. 21; Мк 12. 17; Лк 20. 25\).](#)
- [37] [Лопарев Х. Описание рукописей императорского Общества любителей древней письменности. СПб., 1893. Ч. 2. С. 27.](#)
- [38] [Шереметев С. Д. Князь П. П. Вяземский. Воспоминание 1868–1888 годов // Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2005. Т. 3. С. 58.](#)
- [39] [Интернет-ресурс: <http://subscribe.ru/archive/history.continentwar/200703/12112251.html>](#)
- [40] [Служилые люди низшего разряда.](#)
- [41] [Переводчики, как правило, устной речи, то есть имевшие навыки синхронного перевода.](#)
- [42] [Служитель при городском часовом колоколе.](#)
- [43] [Привратники при городских воротах.](#)
- [44] [Временник императорского московского Общества истории и древностей российских. М., 1849. Кн. 4. Ч. 3. С. 45.](#)

- [45] [Елшин А. Г. Самарская хронология. Вып. 1. Самара, 1918. С. 8.](#)
- [46] [Там же.](#)
- [47] [Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2000. Вып. 23. С. 223.](#)
- [48] [Там же. С. 223, 224.](#)
- [49] [Там же. С. 223.](#)
- [50] [Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 66. Л. 374. Цит. по: Дубман Э. Л. Начало православной Самары // Самарский земский сборник. Самара, 2005. № 2 \(10\). С. 19–20, 22–23.](#)
- [51] [Там же. С. 20.](#)
- [52] [Там же. С. 20–21.](#)
- [53] [Герасимов А. А. Самара и Самарский уезд XVII в. \(по записным книгам Печатного приказа\) // Классика самарского краеведения. Самара, 2006. Вып. 2. С. 211; Елшин А. Г. Самарская хронология. Вып. 1. Самара, 1918. С. 9.](#)
- [54] [Герасимов А. А. Самара и Самарский уезд XVII в. \(по записным книгам Печатного приказа\) // Классика самарского краеведения. Самара, 2006. Вып. 2. С. 211.](#)
- [55] [Там же. Примеч.](#)
- [56] [Невоструев К. И. Историческое описание бывших в г. Самаре мужского Спасо-Преображенского и женского Спасского монастырей. М., 1867. С. 3.](#)
- [57] [Елшин А. Г. Самарская хронология. Вып. 1. Самара, 1918. С. 38.](#)
- [58] [Невоструев К. И. Историческое описание бывших в г. Самаре мужского Спасо-Преображенского и женского Спасского монастырей. М., 1867. С. 4.](#)
- [59] [Герасимов А. А. Самара и Самарский уезд XVII в. \(по записным книгам Печатного приказа\) // Классика самарского краеведения. Самара, 2006. Вып. 2. С. 212.](#)
- [60] [Невоструев К. И. Историческое описание бывших в г. Самаре мужского Спасо-Преображенского и женского Спасского монастырей. М., 1867. С. 4–5.](#)
- [61] [Там же; Елшин А. Г. Самарская хронология. Вып. 1. Самара, 1918. С. 38.](#)
- [62] [Артамонова Л. М. Древние самарские храмы на старинной гравюре // Духовный собеседник. Самара, 1998. № 1.](#)
- [63] [См.: Булычев А. А. История одной политической кампании XVII в. М., 2004.](#)